

УДК: 17.023

Безусловность или относительность морали

И.А. КАДИЕВСКАЯ

Одесская государственная академия строительства и архитектуры, г. Одесса, Украина
E-mail: marlinna@yandex.ru**Авторское резюме**

Статья посвящена исследованию проблемы безусловности или относительности морали. По-новому осмыслены вопросы: Может ли существовать абсолютная мораль? Каково ее содержание? Необходима ли она человечеству? Является ли нравственная личность абсолютной ценностью? Оправдывает ли цель средства? Обосновано, что размышляя о проблеме безусловности или относительности морали, не следует абстрагироваться от религии — миллиарды людей находят в ней основу своей нравственности. Накопленный человечеством этический опыт бесконечно богат и разнообразен: он включает в себя и провозглашенные пророками Божественные откровения, и гениальные прозрения светских философов. Проанализированы такие понятия, как мораль, абсолютная мораль, релятивизм, моральный ригоризм, нравственная личность, формальная этика. Установлена специфика морального релятивизма, который провозглашает историчность и изменчивость норм и стандартов человеческого поведения. Моральный релятивизм отрицает абсолютный характер, т.е. всеобщность и принудительность морали, подчеркивая условность и ситуативность моральных норм. Моральный ригоризм понимается как принцип, по которому человек должен действовать только из соображений морального долга, тогда как все другие внешние мотивации (интерес, счастье, дружба и т.д.) не имеют никакого морального значения. Показана приоритетная значимость неригористской формальной этики, в которой сильные идеализации и абстракции этики морального ригоризма заменяются на более слабые - более реалистичные и более человеческие. В неригористской формальной этике, как и в жизни, нравственные оценки вполне могут быть и в подавляющем большинстве случаев являются относительными.

Ключевые слова: мораль, абсолютная мораль, релятивизм, моральный ригоризм, нравственная личность, формальная этика.

© И.А. Кадиевская, 2014

Absoluteness or relativity of morality

I. A. KADIEVSKAYA

Odessa state academy of building and architecture, Odessa, Ukraine

E-mail: marlinna@yandex.ru

Abstract

Article is dedicated to the case study of absoluteness or relativity of morals. The questions are in a new way comprehended: Can exist absolute morals? Is how its content? Is necessary it for humanity? Is moral personality absolute value? Does justify the purpose of means?

It is substantiated, that reflecting about the problem of absoluteness or relativity of morals, one ought not to be abstracted from the religion - billions of people find in it the basis of their morals. Accumulated ethical experience is infinitely rich and diverse in humanity: it includes and the proclaimed prophets godly revelations, and the brilliant enlightenment of secular philosophers.

Are analyzed such concepts, as morals, absolute morals, relativity, moral rigorism, moral personality, formal ethics.

The specific character of the moral relativity, which proclaims historicity and changeability of standards and standards of human behavior, is established. Moral rigorism is understood as the principle, according to which the man must act only from the considerations of moral debt, whereas all other external motivations (interest, happiness, friendship, etc) have no moral value. Is shown the priority significance of the nerigorist-skoj formal ethics, in which strong idealizations and abstractions of the ethics of moral rigorizma are substituted by the weaker - more realistic and more humane. In the nerigoristskoj formal ethics, as in the life, moral estimations completely can be and in the overwhelming majority of the cases are relative.

Keywords: morals, absolute morals, relativity, moral rigorism, moral personality, formal ethics.

Постановка проблемы. Сегодня этические проблемы занимают все более значимое место в пространстве современной философии, о чем свидетельствуют названия современных всемирных и отечественных форумов, конференций и «круглых столов».

Статья посвящена обоснованию позиции, согласно которой исходные принципы формальной этики успешно преодолевают такие мировоззренческие крайности, Ю как релятивизм и моральный ригоризм.

Учитывая научную значимость проблемы, можно сформулировать цель и задачи данной статьи.

Цель исследования – осмысление проблемы безусловности или относительности морали.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1. Проанализировать ключевые понятия (мораль, абсолютная мораль, релятивизм, моральный ригоризм, нравственная личность, формальная этика), рассмотреть их взаимосвязь.

2. Рассмотреть моральные нормы.

3. Осмыслить особенности морального релятивизма и ригоризма.

4. Выявить преимущества формальной этики в преодолении мировоззренческих крайностей.

Основными методами исследования являются анализ и обобщение научной и теологической литературы по проблеме, а также общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция.

Анализ исследований и публикаций. Основой статьи послужили труды А. Швейцера, Н. Бердяева И. А. Ильина, В. И. Кураева, Л. Н. Толстого и других исследователей.

Содержание статьи соответствует поставленной цели и задачам.

Изложение основного материала. Под абсолютной моралью можно понимать некую «всеобщую», универсальную и безусловную, не зависящую от времени и обстоятельств, нравственную норму. Может ли в принципе существовать такая мораль, каково ее содержание, необходима ли она человечеству? Является ли нравственная личность абсолютной ценностью? Вот те вопросы, на которые не существует точного и однозначного ответа. Моральная норма (от лат. norma – руководящее начало, правило, образец), как элемент морального сознания – это элементарная форма морального требования, определенный образец поведения, который отображает устоявшиеся правила человеческих отношений и сосуществования.

Моральные нормы неоднородны, их содержание определяется различными факторами. Можно выделить, по меньшей мере, три вида норм.

Фундаментальные нормы морали: характерны наибольшей степенью абстрактности. Они нередко входят в общественное моральное сознание в виде религиозных заповедей. Это известные нормы: не убий, не укради, не обмань и др.

К фундаментальным нормам можно отнести так называемое «золотое правило этики»: «(Не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». Оно формулировалось многими мыслителями разных народов в различные исторические эпохи. Первые упоминания о нем относятся к I тысячелетию до н.э. Встречается «золотое правило» в индийских трактатах, в изречениях Будды, в ответах Конфуция,

в античных философских текстах. Однако наиболее четко «золотое правило этики» выражено в знаменитом категорическом императиве И. Канта: «Относись к другому человеку не только как к средству, но в то же время и как к цели» [9].

Одна из важнейших проблем, занимавших умы великих мыслителей, – это проблема абсолютной морали: «...Этическая мысль всегда стремилась открыть всеобщий основной принцип нравственного» [1, с. 205].

Моральный релятивизм отрицает абсолютный характер, т.е. всеобщность и принудительность морали, подчеркивая условность и ситуативность моральных норм.

Нравственный максимализм, то есть стремление во что бы то ни стало неуклонно следовать той или иной норме морали, может быть внутренним, когда повышенные моральные требования человек предъявляет к самому себе, или внешним, когда такие требования предъявляются к другим людям.

Ригоризм – это моральный педантизм, дошность и неукоснительность в моральных правилах, которые уже не способствуют, а мешают нормальному сосуществованию людей и этим вредят самой моральной задаче. Ригористы пропагандируют неукоснительность в моральных правилах. Они призывают в любых обстоятельствах следовать фундаментальным нормам морали. Ярким представителем ригористской этики был И. Кант. Требования ригористской этики – строгость, точность, четкость и определенность. Это «черно-белая» этика абсолютного противопоставления добра и зла.

Ригористам свойственен максимализм, склонность расценивать сущее по его соответствию некоему идеалу, так что все недотягивающее до идеала отрицается вовсе, как не значащее ничего или даже оскорбляющее этот идеал.

Ярким представителем неригористской этики был Аристотель «Добродетель есть золотая середина между крайностями» [9]. Неригористская формальная этика заменяет идеализацию и абстракцию морального ригоризма реалистичными и человеческими конструкциями, когда нравственные оценки в подавляющем большинстве случаев являются относительными.

С одной стороны этический ригоризм дает возможность создавать идеальные теоретические модели общественного развития, где возможно общее благо. Эти человеческие стремления воплощают самые светлые и поэтому заслуживающие уважения мечты о мировой гармонии, победе добра, милосердия, любви и т.д. В то же время нигде и никогда в обществе не было достигнуто общее благо. А если так, то возможно в этом присутствует особый смысл, требующий пристального внимания и глубокого осмысления.

Перед философами разных эпох неизменно стояла проблема: Оправдывает ли цель сред-

ства? И конечно легче всего было бы с высоты холодной отчужденности абсолютной морали дать однозначно отрицательный ответ. Но не все так просто. В любом случае размышления на эту тему обычно начинаются с прояснения тех конкретных целей, ради которых испокон веков использовались и продолжают использоваться средства весьма далекие от моральных императивов. Так, например, если чьи-то конкретные цели злонамеренны и связаны с преумножением природного, социального и морального зла, они представляют собой мировую угрозу. Основная правовая и моральная задача как раз и заключается в выявлении, последовательной и упорной борьбе с различными преступлениями. Не будь этой борьбы мораль и право вообще не имели бы смысла. Оправдывают ли такие цели, как борьба с убийствами, грабежами, распространением оружия, наркотиков и т.д. применением насилия. Ответ представляется вполне очевидным. Недаром в любой стране действует правовая система наказания за различные виды преступлений. Гораздо сложнее ответить на вопрос, существуют ли еще какие-то другие значимые цели оправдывающие нарушения моральных норм.

С точки зрения морального ригоризма нравственная личность сама по себе является абсолютной ценностью. А ведь такой человек всегда должен оставаться честным, правдивым, принципиальным и т.д. Интересно разобраться, что таит в себе эта задача? Давно известно, что основным мотивом такого поведения может оказаться эгоцентризм, заносчивость, высокомерие и гордыня, когда моральная безупречность становится важнее счастья и благополучия близких людей, ради которых можно было бы сделать исключение. В реальной жизни, для того чтобы помочь или хотя бы не навредить другому человеку, бывает просто необходимо солгать. Ведь опрометчиво заявленная правда в целом ряде случаев способна не просто огорчить, но даже сломать человека и привести к трагедии. Как известно психика очень ранима, противоречива и переполнена внутренними конфликтами. И то, что моральному ригористу будет казаться справедливым, для кого-то может стать приговором, концом карьеры, личного счастья или дружеских отношений. Кому и для чего нужна такая правда? В то же время истинная доброта не категорична и великодушна, она проявляется в терпимом, гибком, осторожном, чутком и бережном отношении к людям, среди которых сложно найти кристальных праведников. «Не судите и не судимы будете», «Кто без греха, пусть первый бросит в меня камень» [10]. Все мы знаем, что слово может воскресить, но может и убить человека. А если так, что плохого в хитрости, которая, искажая правду из благих намерений, может придать сил и уверенности, вдохновить, ободрить, утешить, успокоить, способствовать

урегулированию конфликтов, решению самых различных проблем и т.д. А разве не от этого в нашем несовершенном мире зависит хрупкое человеческое счастье. Парадокс человеческой жизни, возможно, заключается в том, что даже самый принципиальный моралист и правдолюб, категорически осуждающий обман, может даже не задумываться о том, как практически помочь кому-то стать более счастливым? Размышляя и теоретизируя о несоответствии тех или иных поступков моральным императивам такой человек может либо оставаться абсолютно пассивным, а значит бесполезным для окружающих, либо он будет активно и принципиально соблюдать моральные нормы, неизбежно причиняя вред своей категоричностью и максимализмом. Разумный, здравомыслящий человек хорошо понимает, что любое действие или бездействие неизбежно оказывает как позитивное, так и негативное влияние на окружающих. А поскольку этот процесс невозможно полностью контролировать, особенное значение приобретает соотношение такого влияния. Поэтому с точки зрения формальной этики вместо того, чтобы теоретически превозносить значение моральных норм лучше практически постараться быть добрее, реально помогать и сочувствовать окружающим. В данном случае основной смысл морали проявляется не в абсолютизации нравственной личности, а в том, чтобы в результате этического познания мы захотели не судить, а любить и понимать друг друга. В отношениях добра и зла, божественного и дьявольского, по мнению Н. Бердяева трагизм, прежде всего, заключается в столкновении одного добра с другим добром, одной ценности с другой ценностью – любви к Богу и любви к человеку, любви к отечеству и любви к близким, любви к науке или искусству и любви и жалости к человеку и т. п. Ценность нравственная, в узком смысле слова, сталкивается с ценностью познавательной или эстетической, ценности жизни личной с ценностью жизни сверхличной, исторической. Но любовь к познанию или искусству, любовь к отечеству или культуре имеет нравственную ценность и должна быть признана добром, если добро понимать целостно. Человек принужден быть жестоким, потому что он поставлен перед необходимостью жертвовать одной ценностью для другой ценности, одним добром для другого добра, например близкими людьми для отечества или для борьбы за социальную правду, деятельностью патриотической или социальной для творчества научного, художественного и наоборот. Человек то совершает жертву своим призванием в познании или искусстве во имя ценностей религиозных, во имя аскетического подвига и достижения большого личного совершенства, то жертвует своим личным совершенством во имя творчества поэта или философа. Такими трагическими конфликтами полна жизнь [3].

Этика нашего мира предполагает дуализм добра и зла. Дуализм есть предпосылка этики. Миросозерцание монистическое всегда оказывается неблагоприятным для этики и ослабляет в человеке нравственный пафос. Этический дуализм предполагает нарушение первоначальной красоты творения, онтологическое повреждение. Само различие между добром и злом мучительно и радости не доставляет. Можно установить типы философских направлений в зависимости от остроты переживания проблемы добра и зла. Этическая ориентация философии это есть трагическое переживание добра и зла, которое не разрешается легко нравственным законом и нормой. Источник трагизма тут в том, что добро, закон добра совершенно бессильны преодолеть зло, победить источник зла. Эти проблемы нашли себе вечное выражение у Ап. Павла. Нравственное сознание предполагает дуализм, противопоставление нравственной личности и злого мира, злого мира вокруг себя и в самом себе. Христианство в своей развитой форме призывало угнетенных к покорности, однако в то же время оно осуждало само угнетение и, следовательно, могло быть направлено против угнетателей и эксплуататоров.

Христианство освящало социальный строй, основанный на классовой и сословной стратификации общества, но в то же время решительно утверждало равенство всех перед Богом, что стало основой принципиально новой социально-этической концепции – теоретической базы всех социальных движений, в том числе антифеодалных и тираноборческих.

Христианство действительно решительно и принципиально осуждало насилие, кем бы и как оно ни применялось. В том числе и со стороны угнетателей. Однако неправильно усматривать в христианстве только эту пассивно негативную сторону. Христианская концепция была достаточно богатой философски и достаточно диалектической, чтобы противопоставить доктрине угнетателей не менее убедительную доктрину борцов против угнетения. Поэтому неудивительно, что практически все прогрессивные, антифеодалные движения в эпоху Средневековья проходили под христианскими лозунгами и, как правило, возглавлялись священниками и богословами.

Таким образом, христианство не только не разоружало угнетенные массы, но вдохновляло их на отпор угнетателям, давало им идеологическое оружие в борьбе против эксплуатации и эксплуататоров.

Весьма показательной в контексте обоснования норм абсолютной морали может быть попытка ответить на вопрос: Если злодей в нашем присутствии совершит нападение на беззащитного человека, то как надлежит поступить в этом случае:

1. Силой защитить беззащитного и тем самым воспротивиться злу?

2. Безучастно смотреть на совершившееся зло?

3. Убежать и предоставить событиям развиваться своим чередом?

4. Позвать кого-либо на помощь?

Христианские этические ригористы утверждают, что противление злу запрещено Богом. И поэтому если на разбойника не действуют уговоры и просьбы, христиане не имеют права силой препятствовать разбойнику, и не должны помешать совершиться злодеянию. «Какой бы страшный разбойник ни напал на какого бы то ни было невинного и прекрасного ребенка, христианин не имеет основания, отступив от данного ему Богом закона делать над разбойником то, что разбойник хочет сделать над ребенком; он может умолять разбойника, может подставить свое тело между разбойником и его жертвой, но одного он не может: сознательно отступить от данного ему Богом закона, исполнение которого составляет смысл его жизни» (Л. Н. Толстой «О непротивлении злу») [8].

Л. Н. Толстой заявлял о том, что «христианин не имеет права отступить от данного ему Богом закона делать над разбойником то, что разбойник хочет сделать над ребенком», то есть произвести насилие.

В довершение ко всему человек должен по совету Л. Н. Толстого бессмысленно пойти под нож злодея, не принеся этим поступком никому никакой пользы. В данном случае это будет не самопожертвование и даже не несчастный случай на производстве, который как-то можно оправдать, а безумный поступок, граничащий с самоубийством, так как самопожертвование христиан отличается пользой, целенаправленностью и смыслом, чего нет в описываемом Л.Н. Толстым случае.

Во введении к книге «О сопротивлении злу силою» И. Ильин писал, что толстовское учение проповедовало «...идиллический взгляд на человеческое существо... Это учение узаконивало слабость, возвеличивало эгоцентризм, потакало безволию, снимало с души общественные и гражданские обязанности...» [4, с. 36–37].

Завершает Ильин свои размышления так: «... Верный выход из этого трагического задания состоит в необходимом сопротивлении злу силой с принятием на себя ответственности за свое решение и деяние и с непрменным последующим, всежизненным нравственно-религиозным очищением...» [4, с. 438–439]. Ю. Бородай писал о библейском тексте: «Вот у Матфея написано: «Блаженны миротворцы». А в другой главе читаем: «Не мир пришел я принести, но меч» (Матф, 5:9; 10:34)... Или, например, сказано: не убий! Ну а если у меня на глазах убивают безвинных... Что теперь? «Теперь, – говорит Христос, – продай одежду свою и купи меч» (Лк, 22:36)». Философ подчеркивал, что «Христос дает указания парадоксальные», и

отмечал: «Согласно юридическому принципу, две противоречащих статьи лишают закон силы. Если этот принцип применять к Евангельским правилам, что останется?» [5, с. 327]

Примеры, данные нам Самим Спасителем, дают христианам право на самозащиту и указывают путь победы над злом. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим. 12:21).

В главе «О духовном компромиссе» в книге «О сопротивлении злу силою» делается вывод: «Тот, кто перед лицом агрессивного злодея требует «идеального» нравственного исхода, тот не понимает, что из этой ситуации нет идеального выхода. Уже простая наличность противолобовной и противодуховной ожесточенной воли в душе другого человека делает такой, безусловно-праведный, исход до крайности затруднительным и проблематичным» [4, с. 204]. Ильин же говорил «о христоролюбивом воинстве», о том, как может сложиться внешне побудительная борьба со злом «в условиях революционных потрясений, гражданских и международных войн: в этих условиях необходимость оборонять Родину, веру и святыню ставит человека в положение не воспитателя, а воина» [6, с. 175]. В качестве примера философ вспоминает благословление Дмитрия Донского Сергием Радонежским на Куликовскую битву и участие в ней «двух меченосных послушников».

Выводы. Сегодняшняя жизнь подтверждает правоту И. Ильина в трактовке философии «непротивленчества» Л.Н. Толстого. В.И. Кураев писал о книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою»: «Особую остроту и сложность ей придает внутренняя антиномичность: утверждение в качестве высших этических ценностей заповедей любви и добра, которые необходимо положить в основу всего нравственного поведения человека, с одновременным признанием неустранимого присутствия в мире сил зла и насилия, в остром противодействии с которым протекает человеческая жизнь... Работа Ильина... до сих пор активно и живо присутствует во всех дискуссиях, ведущихся вокруг этой одной из центральных тем христианской этики» [7, с. 504–505].

По мере развития человечества сфера приложения этических кодексов неуклонно расширяется, охватывая все большие по численности социальные группы. Этот процесс продолжается и сегодня, когда мы снова пытаемся ответить на вопрос: Является ли нравственная личность абсолютной ценностью? Впрочем, этот вопрос, как и любой другой, можно довести до крайности, то есть до абсурда. В данном случае крайностями является как релятивизм, так и моральный ригоризм.

Эти распространенные позиции заключают в себе множество принципиальных недостатков и поэтому уступают подходам формальной этики, наиболее близкой человеку.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ:

1. Швейцер А. Культура и этика. Философия культуры. Часть 2-я / А. Швейцер // Благоговение перед жизнью [пер. с нем.]. – М. : Прогресс, 1992.
2. Динкевич С. Новое или забытое старое? / С. Динкевич // Алеф. – 2002. – № 899.
3. Бердяев Н. О назначении человека / Н. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1993–1998. – Т. 5
5. Бородай Ю. М. Эротика, смерть, табу. Трагедия человеческого сознания / Ю. М. Бородай. – М., 1996.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений в 3 т. / И. А. Ильин // Переписка двух Иванов. – М., 2000.
7. Кураев В. И. Философ волевой идеи / В. И. Кураев // Ильин И. А. Путь к очевидности. – М., 1993.
8. Толстой Л. Н. В воспоминаниях современников в 2-х томах. – М., 1978. – Т. 1. – С. 369.
9. Спиркин А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – М., Гардарики. – 736 с.
10. Библия або Книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту. – К., 2000.

Статья поступила в редакцию 11.02.2014

REFERENCES:

1. *Shveicer A. Kultura i etika. Filosofiya kulturu (Culture and ethics. Philosophy of culture). Moscow, 1992.*
2. *Dinkevich S. Novoe ili zabutoe staroe? (New or forgotten old?). Alef, 2002, no. 899.*
3. *Berdaev N. O naznachenii cheloveka (On the designation of the man). Moscow, 1993. 383 p.*
4. *Ilin I. A. Sbranie sochinenii: v 10 t. (Collected works: in 10 t). Moscow, 1993–1998. Vol. 5*
5. *Borodai U. M. Erotika. Smert. Tabu. Tragediya chelovecheskogo soznaniya (Erotic, death, taboo. Tragedy of the human consciousness). Moscow, 1996.*
6. *Ilin I. A. Sbranie sochinenii: v 3 t. (Collected works: in 3 t). Moscow, 2000.*
7. *Kuraev V. I. Filosov volevoi idei (Philosopher of the volitional idea). Ilin I. A. Put k ochevidnosti. Moscow, 1993.*
8. *Tolstoi L. N. V vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. (In the recollections of the contemporaries). Moscow, 1978. Vol. 1. p. 369.*
9. *Spirkin A. G. Filosofiya (Philosophy). Moscow, 2001. 736 p.*
10. *Bibliya abo Knugu Svatogo Pusma Starogo I Novogo Zapovitu (The Bible or the book of the Scriptures of the old and New Testament). Kiev, 2000.*

Кадиевская Ирина Аркадьевна – доктор философских наук, профессор
Одесская государственная академия строительства и архитектуры
Адрес: 65029, г. Одеса, ул. Дидрихсона, 4
E-mail: marlinna@yandex.ru

Kadievskaya Iryna Arkadiivna – doctor of philosophical sciences, Full Prof.
South Ukrainian national pedagogical university named after K. D. Ushynsky
Address: 4, Didrikhsona str., Odessa, 65029
E-mail: marlinna@yandex.ru